

К ИСТОРИИ РОСТОВСКОГО СПАСО-ЯКОВЛЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ (1917—1929 гг.)

A. E. Виденеева

Возысившийся в XVIII веке Спасо-Яковлевский Димитриевский монастырь на протяжении более чем полутора столетий являлся одним из самых значительных, богатых и известных монастырей Ярославо-Ростовской епархии. Настоящая работа посвящена истории существования Яковлевского монастыря в предреволюционное и послереволюционное время, а также обстоятельствам его упразднения. Следует отметить, что указанный период истории данной обители не нашел отражения в литературе¹.

В качестве источников были использованы документы, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов, архиве Ростовского музея и в Ростовском филиале архива Ярославской области. В основном, это делопроизводственная документация Спасо-Яковлевского монастыря и Яковлевской церковной общины, Ростовского исполнкома и Ростовского музея, комиссии по изъятию церковных ценностей и ликвидационного отдела церковно-монастырского имущества, а также некоторых других учреждений и организаций.

Для того чтобы в полной мере оценить масштабы потерь, понесенных Яковлевским монастырем после 1917 года, следует дать хотя бы краткую характеристику состояния обители непосредственно перед революцией.

В 1917 г. первоклассный Спасо-Яковлевский Димитриевский монастырь возглавлял первый викарий Ярославо-Рос-

товской епархии, преосвященный Иосиф епископ Угличский². В то время ему было 45 лет, и он восьмой год являлся настоятелем Яковлевской обители. Старшую братию монастыря составляли: наместник, архимандрит Тихон (51 год); казначей, иеромонах Димитрий (42 года); ризничий, иеродиакон Сергий (36 лет); духовник, иеромонах Антоний (55 лет). В число братии, помимо настоятеля и наместника, входили 10 иеромонахов, 8 иеродиаконов и несколько послушников³. В 1917 г., как и в предыдущие три года, в Яковлевском монастыре проживали настоятель Богоявленского Авраамиевского монастыря, архимандрит Николай и его келейник, иеромонах Антоний, поскольку их обитель была занята эвакуированными из Полоцка архиерейским домом и Евфросиниевским женским монастырем. Авраамиевский архимандрит, за предоставленные ему кров и стол, ежемесячно выплачивал Яковлевскому монастырю 30 руб.⁴.

Следует отметить, что желающих поступить в число братии Яковлевского монастыря было более чем достаточно. На значительной части сохранившихся в архиве прошений о приеме в монастырь наложена резолюция «отказать за неимением мест»⁵.

В Спасо-Яковлевском монастыре действовал общежительный устав, согласно которому вся братия была обязана присутствовать за дневной и вечерней общей трапезой. Принимать пищу в кельях разрешалось только больным. Пра-

вила Яковлевского общежития были достаточно строги. К примеру, увольнения в город допускались лишь с разрешения монастырского начальства, причем монахи получали разрешение у настоятеля, послушники — у наместника. Отлучки в город позволялись только «в случае действительной надобности» и ограничивались промежутком времени между дневной трапезой и вечерним богослужением (с 12 до 4-х часов дня). У ворот дежурили два привратника, коим вменялось в обязанность следить за всеми входящими и выходящими, а также присматривать за порядком на монастырском дворе⁶.

Жилые помещения состояли из настоятельного, трапезного и двух братских корпусов. Все здания были каменными, двухэтажными и соединялись друг с другом. Верхний этаж настоятельского корпуса занимал епископ Иосиф. Настоятельские покой включали в себя кабинет, гостиную, спальню, столовую, келейную, галерею и прихожую. При настояtele жили два келейника, личный секретарь епископа и эконом. В нижнем этаже настоятельского корпуса располагались покой наместника и казначея. В том же здании находились административные помещения: архив, канцелярия и присутственный зал для заседаний и собраний. В трапезном корпусе на верхнем этаже были устроены трапезная и кухня; внизу — просфорная, кладовые и прочие хозяйствственные службы. Братские келейные корпуса предназначались для проживания монашествующих и послушников. В верхних этажах обоих корпусов находилось 13 одинаковых келий для иеромонахов и иеродиаконов, каждая из которых состояла из трех небольших комнат (передняя, маленький зал и спальня). Внизу — 11 таких же келий для монахов и послушников⁷.

Монастырские помещения, как церковные, так и жилые, отапливались углем и дровами. Дрова заготавливались на принадлежавшем монастырю участке леса — т. н. «Рождественской даче». В монастыре существовал водопровод, электрическое освещение, имелась телефонная связь с центром города⁸.

К 1917 г. в Спасо-Яковлевском монастыре существовало шесть храмов с девятью престолами, а именно: два монастырских собора — Зачатия св. Анны и св. Димитрия Ростовского, последний — с приделами св. Николая и св. Димитрия Солунского; храмы — Спаса Преображения, св. Иакова Ростовского с приделом Ватопедской Богоматери, Вос-

кресения и Иконы Толгской Богоматери, последняя, вероятно, являлась домовой церковью настоятеля. Отметим, что два храма и один придел были основаны епископом Иосифом в 1909—1913 гг.⁹. В конце 1917 г., благодаря его же стараниям, в монастыре появилась еще одна церковь, посвященная Богоматери Всех Скорбящих Радости. Она была расположена в здании монастырской гостиницы. Освящение нового храма произошло 25 ноября, накануне празднования памяти основателя монастыря, св. Иакова Ростовского¹⁰.

Ежедневно в монастыре совершались следующие богослужения:

утрена — с 4 ч. 30 мин.;

ранняя литургия — с 6 ч.;

поздняя литургия — с 9 ч.;

вечерня — с 16 ч.

Под праздники — всенощная — с 18 ч.

Позднюю литургию по воскресным и праздничным дням служил настоятель. Кроме того, архиерейским служением совершались еженедельные акафисты:

по вторникам, после ранней литургии — св. Иакову Ростовскому (у гробницы основателя монастыря);

по пятницам, после поздней литургии — св. Димитрию Ростовскому (у мощей святителя);

по субботам, после ранней литургии — Воскресению Христа и Гробу Господню (в Воскресенском храме, у подобия Гроба Господня);

по воскресеньям, после вечерни — Ватопедской Богоматери (в Зачатиевском храме — перед иконой Ватопедской Богоматери, в Димитриевском — перед иконой Успения Богоматери над царскими вратами)¹¹.

Праздниками монастыря, помимо общечерковных, местных и престольных, являлись дни, связанные с почитанием ростовских святителей Димитрия и Иакова;

19 января — празднование иконы Ватопедской Богоматери;

24 мая — перенос мощей св. Димитрия из Зачатиевского храма в Димитриевский;

25 мая — обнесение мощей св. Димитрия вокруг монастыря;

21 сентября — перенесение мощей св. Димитрия из Димитриевского храма в Зачатиевский;

21 октября — празднование обретения мощей св. Димитрия;

28 октября — празднование дня кончины св. Димитрия;
27 ноября — празднование дня кончины св. Иакова¹².

На колокольне Спасо-Яковлевского монастыря в 1917 г. находилось 22 колокола, самый большой из которых весил 12690 кг (774 п. 30 ф.). Этот колокольный набор являлся наиболее значительным среди всех ростовских монастырских колокольных ансамблей. Храм, основанный в 1917 г. при монастырской гостинице, имел собственную звонницу из трех небольших колоколов¹³.

Ризница Спасо-Яковлевского монастыря была хранилищем церковно-богослужебной утвари и священных облачений, а также исторических реликвий, преимущественно связанных с личностью св. Димитрия. Она располагалась над Яковлевским храмом и представляла собой своеобразный монастырский музей. В числе монастырских реликвий следует упомянуть диплом, выданный св. Димитрию, его письмо, рукописную проповедь, печатный экземпляр Четы-мнени и рукописную службу с надписями и правкой, грамоты с его автографами, а также, саккос, деревянный посох, платок, полотенце св. Димитрия, покров с его лица. На монастырском дворе под застекленным колпаком стояла карета, по преданию, принадлежавшая святителю. Собрание ризницы складывалось, в основном, из пожертвований. Произведения искусства, хранившиеся в разнице и храмах монастыря, представляли огромную материальную и художественную ценность¹⁴.

Монастырь располагал обширной библиотекой, в которой насчитывалось более 1250 томов, а также собственным рукописным собранием¹⁵.

Центральный двор Яковлевского монастыря был окружен высокой каменной стеной. Западнее его, обнесенный низкой стеной, располагался хозяйственный двор с соответствующими службами и постройками. Там размещались скотный и конный дворы с салями, ледник с кладовыми, баня, огород, сад и пасека¹⁶. На скотном дворе имелось 9 коров, на конюшне — 5 лошадей. За содержание лошадей и экипажей монастырь выплачивал в Ростовскую городскую управу ежегодный налог в 38 руб.¹⁷.

За пределами монастырской ограды находился, принадлежавший монастырю, каменный двухэтажный корпус. В нем были размещены гостиница, странноприимная, церковно-приходская школа, а с 1917 г. и церковь. Все это содержал монастырь. В 1917 г. учителем в школе служил священник

Петр Восторгов, получавший от монастыря жалованье — 50 руб. ежемесячно. В связи с началом первой мировой войны в здании монастырской гостиницы был устроен госпиталь для раненых воинов на 150 мест. Он был открыт в 1914 г., 28 октября, в день памяти св. Димитрия Ростовского. Основную часть расходов по содержанию лазарета нес Яковлевский монастырь¹⁸.

Таковыми, в общих чертах, были устройство и уклад жизни Спасо-Яковлевского монастыря в 1917 г. Рассмотрим средства его содержания: накопленный за счет пожертвований капитал, выплаты по штату, церковный доход и доходные статьи.

К 1917 г. капитал монастыря составлял более 241 100 руб. и распределялся следующим образом:

на содержание и ремонт храмов — ок. 40 470 руб.;

на содержание монастыря — 22 500 руб.;

в пользу настоятеля и братии (завещанный на поминование) — 144 740 руб.;

на трапезу братии — ок. 50 570 руб.;

в пользу монастырской церковно-приходской школы — 2825 руб.

Монастырский капитал являлся неприкосновенным, использовались лишь ежегодно выплачивавшиеся с него проценты. Спасо-Яковлевский монастырь располагал самым крупным денежным фондом среди ростовских монастырей. Состояние Яковлевского монастыря постоянно увеличивалось. К примеру, на протяжении 1917 г. только на поминование в обитель было пожертвовано 7750 руб.¹⁹.

Ежегодно на содержание Спасо-Яковлевского монастыря, сообразно штатному расписанию, по смете Синода из местного уездного казначейства выплачивалось более 1800 руб.²⁰.

Церковный доход монастыря складывался из следующих статей:

продажа свеч (в 1917 г. — 8248 руб.);

продажа образков и крестиков (в 1917 г. — 574 руб.);

кружечный и кошельковый сборы (в 1917 г. — 1468 руб.);

продажа просфор (в 1917 г. — 1200 руб.).

Церковные свечи оптом закупались на Ярославском и Ростовском епархиальных свечных складах по цене 100 руб. за пуд. В 1917 г. монастырь приобрел 23 пуда свеч. На Ростовском епархиальном складе закупалось красное вино для богослужения по цене 23 руб. за ведро. В 1917 году для монастырских храмов было куплено 13 ведер церковного вина.

Просфоры заказывались в Рождественском женском монастыре. Их оплата производилась ежемесячно и составляла 66—93 руб. В монастырской книжной лавке богомольцам предлагалась литература духовного содержания. Книги и священные изображения приобретались, в основном, в Московской синодальной типографии, а также в книжных магазинах различных губернских городов. Например, в марте 1917 г. в монастырь поступило 900 экземпляров изображений Ватопедской Богоматери и Ростовских чудотворцев. Всего за 1917 г. в монастыре было продано литературы и изобразительной продукции на 423 руб. При Яковлевском монастыре велась оживленная торговля финифтными иконами местного производства. В 1917 г. по монастырским заказам работали ростовские мастера: Иван Матвеевич Лаврентьев (поставивший 264 образка за 57 руб.), Надежда Андреевна Калашникова (250 иконок за 145 руб.), Петр Иванович Кузнецов (250 образков за 137 руб.), иеромонах Пафнутий (55 образков за 11 руб.). Образки и иконки монастырь закупал партиями, наиболее часто заказывались изображения ростовских святителей Иакова и Димитрия²¹.

Из числа доходных статей монастыря внимания достойны две — аренда монастырской земли и плата, взимаемая за погребение внутри монастырской ограды.

Площадь земельных владений монастыря составляла 95 дес., из которых под пашню было отведено не более 10 дес., а остальное использовалось под сенокос. Лесные угодья представляли собой более 80 дес. мелкого смешанного леса в 9 верстах от монастыря. Кроме того, монастырю принадлежало озеро Рюмниковское, расположенное около дер. Рюмниково, в 30 верстах от обители. Большая часть земли сдавалась в аренду²². Так, в 1917 г. пустоши «Васильково», «Жуково» и «Нетеча» арендовали крестьяне села Воскресенское за 345 руб. Сенокос в пустошах «Кочеватик», «Бо-чаги» и «Козлов луг» — крестьяне деревни Рухлево за 100 руб. Право рыбной ловли в Рюмниковском озере за 100 руб. приобрел у монастыря житель Переславля-Залесского Н. С. Котюнин²³.

На территории Спасо-Яковлевского монастыря имелось три кладбища. Они использовались не только в качестве места захоронения монашествующих, но и как место погребения мирских людей, при условии выплаты монастырю определенной суммы. В 1917 г. общая стоимость мест для могил на кладбищах Яковлевского монастыря составила более 1900 руб.²⁴.

Финансы монастыря находились под строгим контролем. Вся денежная документация ежемесячно подлежала проверке казначеем. Приходно-расходные книги заверялись подписями настоятеля, наместника и представителей старшей братии. Монастырский бюджет был на редкость сбалансированным и рассчитывался таким образом, чтобы расход не превышал дохода²⁵.

Как видим, в предреволюционное время состояние Спасо-Яковлевского монастыря было процветающим.

В январе 1918 г. в России вступило в силу новое законодательство о вероисповедании и церкви, принципиально изменившее условия существования религиозных учреждений. 20 января (12 февраля) был принят декрет СНК «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», позднее известный под названием «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Он стал первым и основным постановлением советской власти, утверждающим новое отношение к церкви, а именно — церковь отделялась от государства, церковные и религиозные общества лишались прав юридического лица, их имущество национализировалось и объявлялось «народным достоянием»²⁶. К концу лета 1918 г. Народный комиссариат юстиции разработал инструкцию о порядке проведения в жизнь этого декрета; в ней, в частности, устанавливалось: «Имущества, которые находились в ведении ведомства православного исповедания ... переходят в непосредственное заведывание местных Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов». Местные Совдепы по особым описям предоставляют храмы и «богослужебное имущество» общинам верующих в «бесплатное пользование». Все доходные имущества, «не предназначенные специально для богослужебных целей ... как то: дома, земли, угодья, фабрики, свечные и другие заводы, рыбные промыслы, подворья, гостиницы, капиталы — незамедлительно отбираются» и поступают в полное распоряжение местных органов власти²⁷.

Проследим, как декрет «О свободе совести» повлиял на условия существования и уклад жизни Спасо-Яковлевского монастыря.

Монастырская территория потеряла свою неприкосновенность. Жилые и хозяйственные строения монастыря были национализированы и перешли в ведение Ростовского совета депутатов. В циркуляре 1919 г., относящемся к декрету «О свободе совести», предписывалось, что «совдепам необходимо озаботиться, чтобы большие общежительные монастырь-

ские корпуса не пустовали, а были использованы наиболее рациональным способом», путем устройства в них разнообразных «общеполезных учреждений»²⁸. Уже в 1919 г. часть комнат монастырских келейных корпусов заняли «пролетарские квартиры». В монастырской гостинице разместился «советский лазарет», а в соседнем, также, принадлежавшем монастырю, флигеле, проживали лазаретные служащие и беженцы²⁹. Помимо этого, монастырские помещения были приспособлены и для других «общеполезных учреждений». Сохранились свидетельства, что в начале 20-х годов на территории Спасо-Яковлевского монастыря располагались тюрьма, канцлагерь и колония. В 1920 г. настоятель, епископ Иосиф, в одном из своих писем отметил, что в его монастыре размещены дезертиры — «милая компания, водворенная на столь неподобающем им месте»³⁰. По данным местной печати, в 1921 г. в Яковлевском монастыре был устроен «концентрационный лагерь для отбывания наказания преступниками, ... буржуями», а в 1923 г. — «колония малолетних преступников»³¹.

«Имущество, используемое в богослужебных целях», т. е. монастырские храмы с их содержимым, подверглись тщательному списанию. 25 апреля 1919 г. было заключено соглашение между представителем Ростовского ликвидационного отдела церковно-монастырского имущества Василием Грязновым и монастырской братией, составившей церковную двадцатку, о передаче последним «в бесплатное бессрочное пользование» семи храмов (Зачатиевского, Яковлевского, Димитриевского, Спасо-Преображенского, Толгской Богоматери, Воскресенского, Богоматери Всех Скорбящих Радости)³². На основании декрета «О музейном имуществе» от 10 октября 1918 г. Спасо-Яковлевский монастырь «как первоклассный памятник древнерусского искусства в целом, со всеми находящимися в нем зданиями, представляющими историко-художественное значение, а также и предметами церковной утвари художественно-археологической ценности» поступил в ведение Музейного отдела Наркомпроса. На сотрудников Ростовского музея и Ростовского подотдела охраны памятников возлагалось наблюдение за состоянием памятников Яковлевского монастыря³³.

Обитель лишилась основных источников дохода. Монастырский капитал был национализирован. Добровольные пожертвования сократились до размеров подаяния. Государственное финансирование прекратилось. Новая власть неодоб-

рительно относилась к любым попыткам оказания монастырю помощи. К примеру, в 1921 г., по поводу небольшого подарка, преподнесенного крестьянами епископу Иосифу, в местной газете было заявлено: «Опомнитесь же вы, граждане, приносящие дармоедам и вашим же бывшим захребетникам ту рыбу, которой бы вы могли накормить ребенка города или же больного и раненого красноармейца, вырвавшего вас из когтей капитализма и давшего вам свободу и землю, чем кормить черных воронов»³⁴.

Между тем, несмотря на то, что в новых условиях жизнь монастыря изменилась до неузнаваемости, обитель сохранила свое существование. Численность братии не уменьшилась, монахи по-прежнему жили на территории монастыря. В монастырских храмах продолжало осуществляться богослужение. Более того, вероятно, условия жизни в Спасо-Яковлевском монастыре, по сравнению с другими епархиальными монастырями были еще не самыми худшими, поскольку в 1919—1920 гг. именно этот монастырь преосвященный Агафангел, митрополит Ярославский и Ростовский избрал в качестве своей резиденции³⁵. Однако, главные испытания были еще впереди.

26 апреля 1920 г., по решению Х Ростовского уездного съезда Советов, в Спасо-Яковлевском монастыре были вскрыты мощи св. Димитрия. Приуроченное к 50-летнему юбилею вождя пролетарской революции, вскрытие мощей святых в Успенском соборе, Авраамиевском и Спасо-Яковлевском монастырях производилось по инициативе местных органов власти, вопреки желанию верующих жителей города и уезда³⁶. Духовенство Яковлевского монастыря и Успенского собора выразили свой протест, организовав большой крестный ход из собора в монастырь³⁷. Мощи св. Димитрия были вскрыты и освидетельствованы в Зачатиевском храме, в присутствии комиссии по вскрытию мощей, монастырской братии, при большом стечении народа³⁸.

В мае 1921 г., вероятно, по ходатайству Наркомпроса, ризница Спасо-Яковлевского монастыря, «ввиду ее громадной художественной ценности», была объявлена филиалом Ростовского музея древностей. Из монастырской коллекции реликвий и ценностей музей принял на учет 1116 предметов. Собрание осталось на прежнем месте, сама же разница стала считаться одной из экспозиций музея. Для описания и научной обработки коллекции музей выделил специалиста. Хранение ключей и наблюдение за ризницей поручалось мо-

настырскому казначею Дмитрию Пляшкевичу. В ризницу, как в филиальное отделение музея, допускались экскурсионные группы³⁹. В том же 1921 г., благодаря деятельности Ростовского подотдела охраны памятников и Ростовского музея Древностей, из общего числа церковно-богослужебного имущества храмов и ризницы Яковлевского монастыря были выявлены и поставлены на учет произведения, изготовленные из благородных металлов и драгоценных камней, имеющие значительную материальную ценность⁴⁰.

26 февраля 1922 г. ВЦИК издал декрет об изъятии церковных ценностей, согласно которому местным органам власти предписывалось в месячный срок изъять из храмов и монастырей предметы из драгоценных металлов или с драгоценными камнями и передать их в органы Народного комиссариата финансов. Поводом для этого послужил голод в Поволжье. В то время глава советского правительства писал: «Для нас именно данный момент представляет не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем с 99-ю из 100 шансов на успех разбить неприятеля наголову и обеспечить за собой необходимые позиции на много десятилетий... Сейчас победа над реакционным духовенством обеспечена нам полностью. ...изъятие ценностей, в особенности из самых богатых лавр, монастырей и церквей должно быть проведено с беспощадной жестокостью. Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать»⁴¹.

Комиссия по изъятию церковных ценностей по городу Ростову и уезду была образована 31 марта 1922 г. 1 апреля она утвердила состав ликвидационных Троек⁴². Изъятие церковных ценностей происходило в два этапа. Первое, «основное», было в начале апреля. Однако, не удовлетворенные его результатом, центральные органы требовали большего. 8 апреля Ярославский Губком РКП получил шифротелеграмму председателя ВЦИК Калинина и секретаря ЦК РКП Молотова, в которой указывалось, что «во многих местах комиссии в целях мирного изъятия церковных ценностей изъемлют ничтожную часть, оставляя главные ценности. ...Неполное изъятие церковных ценностей будет рассматриваться как нерадение местных органов. Где произведено неполное изъятие — немедленно произвести дополнительные»⁴³. В ре-

зультате этого, по воспоминаниям директора Ростовского музея Д. А. Ушакова, «по городу и в крупнейших церквях уезда были произведены вторичные изъятия, в некоторых же пунктах, как в Яковлевском монастыре, изъятие производилось пять раз»⁴⁴.

На первом этапе изъятия церковных ценностей в Спасо-Яковлевском монастыре — 3—6 апреля работала ликвидационная Тройка в составе Пыльцина, Строева, Борисова⁴⁵. Для последующих изъятий — 13, 16 и 22 мая, 10 и 12 июня комиссия направила Москаleva, Балмасова, Минина-Дмитриева и Строева⁴⁶. В качестве экспертов пригласили сотрудников Ростовского музея С. Иванова и Д. Ушакова. Из представителей общины верующих были привлечены настоятель, епископ Иосиф; наместник, архимандрит Тихон; казначай, иеромонах Димитрий и ризничий, иеромонах Сергий⁴⁷.

В ряду наиболее значительных ценностей, изъятых из Спасо-Яковлевского монастыря, следует назвать раку св. Иакова и две раки св. Дмитрия (1758 г. и 1910 г.)⁴⁸. По воспоминаниям современника, «в Яковлевском монастыре взята целиком серебряная рака от мощей св. Дмитрия, а равно взята и рака (тоже серебряная) св. Иакова. Тут же изломана, по словам епископа Иосифа, художественной работы решетка, которая представляла археологическую ценность. Изъято из монастыря много и других предметов: золотые митры, серебряные лампады и серебряные кресты»⁴⁹. Ценности упаковывали в ящики и отправляли в уездный финансовый отдел⁵⁰. По свидетельству непосредственного участника этих событий, Д. А. Ушакова, «исполнительные Тройки только в виде исключения признавали инструкцию экспертов. Представителям Главнауки удалось лишь изъять в музей немногие наиболее ценные вещи. В Яковлевском монастыре изъято значительное количество художественных ценных предметов, причем таковые изымались из числа уже числящихся в описи музея. Протесты представителя музея хранителя С. Иванова принимались только относительно предметов менее ценных. В общем, погибло значительное количество художественных ценностей... Старинные вещи, изымаемые в ПомГол, упаковывались в общий ящик с новыми. Ризы с икон все перегибались и в отдельных случаях, наполненный ящик уплотнялся уминкой вещей ногами»⁵¹.

Настоятель Яковлевского монастыря, епископ Иосиф, за противодействие советским властям при изъятии ценностей,

был отдан под суд. Его судили в Ростове, на выездной сессии Ярославского ревтрибунала и приговорили к двум годам лишения свободы «без строгой изоляции». Однако, благодаря ходатайству протоиерея А. М. Чуфаровского, брат которого служил в канцелярии Совнаркома, архиерей был освобожден раньше срока⁵².

Спасо-Яковлевский монастырь был богатейшим в Ростове, не удивительно, что, принадлежавшее ему серебро составило основную массу ценностей, изъятых в городе и уезде. В целом, за время с апреля по июнь 1922 г. монастырь потерял:

серебра — более 888 кг (54 п. 8 ф. 66 зол.);

золота — около 2 кг (ок. 5 ф.);

бриллиантов — 51 $\frac{1}{2}$ кар., алмазов — 342 камня, рубинов — 879 камней, лимантинов — 173 камня, изумрудов — 40 кар., аметистов и сапфиров — 27 кар.

В общей массе ценностей, изъятых в 1922 г. в Ростове и уезде, на долю Спасо-Яковлевского монастыря пришлось около 30% серебра, 80% золота и не менее половины драгоценных камней⁵³.

В 1923 г. архимандрит Тихон, исполняющий обязанности председателя церковной общины Яковлевского монастыря, обратился в органы местной власти с просьбой уменьшить огромный налог, выплачиваемый за церкви и передать храмы, не используемые для богослужения, но являющиеся историко-архитектурными памятниками, Ростовскому музею. Имеет смысл целиком привести письмо, адресованное архимандритом в Ростовский отдел Управления: «Ввиду совершенно непосильной тяжести налога на храмы Яковлевского монастыря (около 14 миллиардов), Община Монастыря имеет честь сим заявить, что во-первых, она с давних пор совершенно не пользуется Спасским храмом, храня его лишь как археологическую ценность, и посему просит теперь же передать его всецело в ведение местного Археологического отделения. 2) То же самое Община представляет сделать с Зачатьевским храмом, коим тоже совершенно не пользуется для своих Богослужений по случаю крайнего холода и сильной тяги сквозного ветра даже в теплое время года. 3) Оставшиеся засим храмы Яковлевский и Шереметевский Община быть может найдет возможным оставить за собой, если Коммунальный отдел найдет возможным облегчить тяжесть налога и изыскана будет потребная для уплаты сумма»⁵⁴.

В письме, направленном в Ростовский Коммунальный отдел, архимандрит Тихон заявил о возможности оставить за общиной только Дмитриевскую церковь⁵⁵. Отдел Управления утвердил передачу храмов; таким образом, Спасская и Зачатиевская церкви перешли в распоряжение Ростовского музея. Акт о приеме Спасского храма был составлен 14 марта, Зачатиевского — 4 апреля. Отметим, что, помимо этого, музей занимал верхнюю часть Яковлевского храма — ризницу. В результате передачи ему в 1923 г. двух монастырских церквей музей существенно упрочил свое положение в Яковлевском монастыре⁵⁶.

К середине 20-х годов на территории Спасо-Яковлевского монастыря значительно увеличилось количество жилой площади, занимаемой под квартиры. К примеру, в 1924 г. в монастыре проживало 18 человек духовенства и 35 рабочих семей⁵⁷. Таким образом, для монастыря на монастырской территории оставалось все меньше места.

В ночь на 16 марта 1925 г. в Спасо-Яковлевском монастыре была совершена кража. Ограблению подверглись Яковлевская церковь, находящаяся в ведении общины, и Зачатиевская, принадлежавшая музею⁵⁸. В числе похищенного оказались две серебряные дарохранительницы, кресты, священные сосуды, евангелие в серебряной оправе, оклад с запрестольного креста и венцы с икон⁵⁹. Под предлогом предупреждения подобных эксцессов администрация музея распорядилась перенести из Зачатиевского храма в музей некоторые особенно ценные предметы, в частности, иконы в серебряных ризах⁶⁰.

Случившееся происшествие было использовано музеем в качестве основания для ходатайства о передаче всего монастырского ансамбля в полное распоряжение музея. Так, в объяснительных записках, направленных в вышестоящие инстанции, директор музея Д. А. Ушаков заявлял, что «ограбление явилось следствием непередачи до сего времени музею зданий этого монастыря с участком земли, отчего музей не мог установить обязательность для жильцов принятия мер сохранения зданий, а также, контролировать самый состав жильцов». По мнению администрации музея, единственным правильным решением в сложившейся ситуации, «во избежание дальнейшего ограбления и разрушения зданий», являлась незамедлительная передача монастыря музею, при условии соответствующих ассигнований на организацию охраны⁶¹.

В 1926 г., 8 февраля, большой президиум Ростовского исполнкома постановил: движимое и недвижимое имущество бывшего Спасо-Яковлевского монастыря от Ростовского УИКа передать в ведение Музейного отдела Главнауки НКП в лице Ростовского музея. Основанием этого решения явился декрет СНК от 19 апреля 1923 г. «О спецсредствах для обеспечения государственной охраны культурных ценностей», осуществление которого в Ростове затянулось на 3 года. Ансамбль Яковлевского монастыря закреплялся за музеем при условии бесплатного предоставления части жилых корпусов для размещения детских домов⁶². 17 февраля сотрудник музея Л. К. Любимов и домоуправитель 2-го района г. Ростова Н. Н. Жуков составили акт, в том, что первый принял, а второй сдал движимое и недвижимое имущество монастыря, а также участки земли внутри больших монастырских стен (площадью 1 дес. 1969 кв. саж.) и внутри малых стен (площадью 2 дес. 980 кв. саж.)⁶³.

К тому времени, состояние монастырских построек, поступивших в распоряжение музея, оставляло желать лучшего. К примеру, трапезный корпус, по данным осмотра, произведенного 22 февраля, имел следующий вид: «Крыт железом, местами проржавевшим. Верхний этаж, за исключением квартиры, занимаемой гр. Медведевым, пустует. В помещениях нет зимних рам, в летних выбиты стекла, полы требуют ремонта — переносились. В остальной части второго этажа разрушены совершенно печи, вынуты двери, нет зимних рам, а в некоторых местах и летних рам, разбиты лестницы, ведущие на улицу. Первый этаж южной части занят двумя квартирами... остальная, северная часть, разрушенная, совершенно необитаема»⁶⁴.

Однако, Спасо-Яковлевский монастырь оставался действующим. В двух храмах совершалось богослужение. Тёплый Яковлевский храм использовался в качестве зимней церкви, холодный Димитриевский — в качестве летней. С разрешения местных властей производились некоторые из традиционных монастырских крестных ходов⁶⁵. Право на проживание на территории монастыря сохранили за собой лишь немногие представители монашеской братии, в том числе, настоятель и наместник. Правда, размещались они далеко не в самых лучших помещениях. Епископ Иосиф, к примеру, до своего отъезда из монастыря, жил в юго-восточной башне, архимандрит Тихон — в монастырской сторожке. Большая

часть монашествующих проживала в частных городских домах близ монастыря⁶⁶.

Несмотря на огромные потери, Спасо-Яковлевская обитель, вероятно, сохраняла за собой первоосновное значение среди ростовских монастырей. Не случайно в местных антирелигиозных брошюрах Яковлевский монастырь характеризовался как «самый реакционный религиозный агитпункт в Ростове». Кроме того, церковно-монастырская Яковлевская община по своей численности была достаточно представительной (1926 г. — 160 чел.; 1927—1928 гг. — более 130 чел.)⁶⁷.

В послереволюционное время Спасо-Яковлевский монастырь продолжал возглавлять епископ Иосиф. Его мирское имя — Иван Семенович Петровых. Год рождения — 1876⁶⁸. В 1909 г. Иосиф был посвящен в сан епископа, назначен вторым викарием Ярославо-Ростовской епархии и настоятелем ростовского Спасо-Яковлевского монастыря. На следующий год он получил должность первого викария⁶⁹. В середине 20-х годов епископ Иосиф был удостоен сана митрополита⁷⁰. Яковлевским монастырем он управлял до 1926 г.⁷¹. В обители им было основано несколько храмов. В 1927—1928 гг. бывший настоятель Спасо-Яковлевского монастыря открыто противостоял просоветской ориентации главы русской православной церкви, патриаршего местоблюстителя Сергия. Митрополит Иосиф стал одним из первых архиереев, отвергнувших сергиевскую «Декларацию», в которой провозглашался курс на сотрудничество православной церкви с советской властью. В декабре 1927 г. он заявил о намерении проводить самостоятельную церковную политику. Митрополит Иосиф провозгласил Ярославо-Ростовскую епархию автокефальной церковной областью, не подлежащей юрисдикции патриаршего местоблюстителя и не признающей митрополита Сергия законным преемником патриарха Тихона. О такой же автокефалии заявили Иркутская, Томская, Челябинская и некоторые другие епархии. Возник «иосифлянский раскол», просуществовавший до 1930 г.⁷².

Преемником епископа Иосифа в Спасо-Яковлевском монастыре стал наместник, архимандрит Тихон. Будучи председателем церковной общины Яковлевского и Димитриевского храмов, он возглавлял монастырь во второй половине 20-х годов⁷³. Год рождения — 1866. Из крестьян села Кармальского Бугульдинского уезда Самарской губернии⁷⁴. В братство Яковлевского монастыря поступил в 1909 г. Известно,

что в 1915 г. архим. Тихон входил в число старшой братии, являясь наместником⁷⁵.

Вопрос о прекращении существования Спасо-Яковлевского монастыря трудно решить однозначно, указав какую-либо конкретную дату. В силу декрета «О свободе совести», с 1918 г. монастырь лишился прав юридического лица. С 1919 г. он официально получил статус приходского храма, поскольку договор о передаче монастырских церквей заключался с общиной верующих бывшего Яковлевского монастыря. Таким образом, формально Яковлевский монастырь, как, впрочем, и другие ростовские монастыри, был «ликвидирован» еще в конце 1910-х годов. Фактически же, в новых условиях он еще целое десятилетие продолжал существовать. Во всяком случае, в представлении современников это было именно так. В архиве Ростовского музея сохранился, датированный концом 20-х годов, отчет о формах использования помещений и территорий ростовских монастырей, в котором заявлено следующее: «Какие же монастыри действуют? Если исходить из того, что все молитвенные дома бывших монастырей (за исключением Рождественского) находятся в формальном ведении общин верующих, то следует сказать, что монастырей, действующих до настоящего времени, нет. Если присмотреться к фактическому положению вещей, получается, что проживающая в бывших монастырях монашеская братия до настоящего времени главнейшие средства для своего существования добывает спекуляцией «святыни» того или иного монастыря. Ежедневные службы, сохранившиеся монашеские чины, братские кухни — все это свидетельствует, что остатки монастырских лиц упорно стремятся сохранить бытые традиции монастырей и существовавших в них бытовых укладов»⁷⁶.

Датой, определяющей завершение существования Спасо-Яковлевского монастыря, на наш взгляд, следует считать время прекращения богослужений в монастырских храмах. Это произошло в конце 1920-х годов.

В декабре 1927 г. президиум Ростовского исполкома постановил произвести проверку состояния действующих храмов Яковлевского монастыря⁷⁷. Для этого была создана комиссия в составе представителей Ростовского горсовета, музея и общины верующих. 26 января 1928 г. комиссия произвела осмотр монастырского имущества, принадлежащего Яковлевской общине, и пришла к выводу, что община не в состоянии содержать памятники в должном порядке. Заклю-

чение комиссии имеет смысл процитировать целиком: «принимая во внимание неотложную потребность значительного ремонта обоих храмов и наличие незначительного количества членов общины (133), при наличии (вблизи) еще трех общин с незначительным количеством верующих и, кроме того, наличие в составе общины служителей культа, которые не только не могут вложить средства на ремонт, но и сами живут на средства остальных членов общины, а поэтому еще раз подтверждается несостоятельность данной общины по содержанию храмов и выполнению принятых на себя обязательств по ремонту [признано] необходимым:

1. договор с общиной верующих, заключенный 25/IV—1919 — расторгнуть;

2. состав общины верующих присоединить к окружающим общинам — Михаило-Архангельской, Николо-Воржикской, Рождественской».

Особо отмечалось, что «наличие церквей рядом с расположенным детским городком при постоянно совершающихся церковных обрядах неблагоприятно влияет на развитие культурно-просветительной работы последнего при наличии попыток со стороны отдельных служителей культа индивидуальному пропагандированию религиозных взглядов»⁷⁸.

Таким образом, с точки зрения представителей местных властей и администрации музея расторжение соглашения с Яковлевской общиной и закрытие монастырских храмов обосновывалось несостоятельностью общины, а также недопустимостью соседства детского воспитательного учреждения с действующими храмами. Поскольку с 1926 г. ансамбль Яковлевского монастыря находился в ведении музея, инициатива расторжения договора с общиной возлагалась на музей, а утверждение этого решения, помимо соответствующих инстанций, на Главнауку Наркомпроса. 2 февраля 1928 г. музей информировал административный отдел Ростовского исполкома о намерении возбудить дело о расторжении договора с Яковлевской общиной на основании нарушения последней своих обязательств по отношению к памятникам, переданным в ее распоряжение. В исполкоме с одобрением отнеслись к этому предложению, в результате чего музей, совместно с горсоветом, получили все полномочия для проведения в жизнь «данного мероприятия»⁷⁹.

В августе музей сообщил в церковный совет общины Яковлевского монастыря о своих планах относительно открытия в текущем году в монастырских храмах, занимаемых

общиной, музейной экспозиции. На это церковный совет заявил, «что помещения освободить он не имеет возможности, так как храмы бывшего Яковлевского монастыря являются более подходящими для удовлетворения духовных потребностей общины, чем другие храмы г. Ростова; так как сама по себе община достаточна по численности членов и, кроме того, храмы монастыря посещают не только члены общины, но также верующие других общин г. Ростова и его уезда». Тут же был приведен перечень ремонтных работ, произведенных на средства общины в 1926—1928 гг.:

1926 г. — ремонт и побелка колокольни, окраска ее крыши (705 руб.);

1927 г. — восстановление водосточных канав вокруг Яковлевского и Димитровского храмов, а также устройство забора, отделяющего церкви от детгородка (ок. 1000 руб.); ремонт печей Яковлевского храма (150 руб.);

1928 г. — ремонт крыши Яковлевского храма и купола Димитриевского (ок. 100 руб.)⁸⁰.

Существование на одной территории, в непосредственной близости друг от друга действующих храмов и детского воспитательного учреждения порождало множество недоразумений. Конфликтная ситуация, возникшая между Яковлевской общиной и детгородком обсуждалась на одном из заседаний Ростовского городского Совета, в результате чего было решено расторгнуть договор с общиной и закрыть монастырские церкви. Решение горсовета было утверждено Ростовским уездным исполнкомом и направлено по инстанции в Ярославский губернский исполнком⁸¹. 9 октября 1928 г. президиум губисполкома постановил: «имея в виду, что на территории бывшего Яковлевского монастыря расположен детгородок, созданный УИКом, между детьми которого и молящимися возникают недоразумения, что функционирующие храмы создают неудобства для воспитания детей вне религии и учитывая, что община по своему составу весьма немногочисленна, верующие которой могут отправлять свои религиозные потребности в окружающих храмах, как в самом Ростове, так и в находящихся поблизости сельских молитвенных зданиях, признать необходимым расторжение договора с религиозной общиной верующих, передать молитвенные здания, имеющие историческое значение, Ростовскому музею»⁸². Решение губисполкома, в свою очередь, было направлено для утверждения во ВЦИК. Между тем, согласно определению губисполкома, Яковлевской общине объяви-

ли о необходимости освобождения занимаемых ею зданий в Яковлевском монастыре⁸³.

После того, как вопрос о закрытии монастырских храмов был решен на губернском уровне, Ростовский музей 20 октября информировал о произошедшем в отдел музеев Главнауки НКП, испрашивая одобрение и поддержку в «означенном мероприятии». 16 ноября решение о закрытии Яковлевской и Дмитриевской церквей и передаче их в полное распоряжение Ростовского музея Главнаукой было утверждено⁸⁴. Однако, закрытие храмов невозможно было произвести без санкции высшей инстанции. Между тем, решение вопроса о закрытии церквей Яковлевского монастыря во ВЦИКе затянулось. В сентябре 1929 г., в целях скорейшего разрешения дела о закрытии храмов, Ростовский музей обратился в горсовет с просьбой командировать в секретариат ВЦИКА представителя для получения материалов по Яковлевскому монастырю. В заявлении музея указывалось, что «в настоящее время музей получил заявку от Ростовской конторы ЯСПО о предоставлении ей складского помещения для хранения хлебопродуктов тысяч на 100 пудов. Ввиду того, что поданную заявку можно удовлетворить лишь за счет предоставления ЯСПО одной из церквей, находящихся в пользовании Яковлевской общине, возникает вопрос об ускорении проведения в жизнь вопроса о ликвидации общины»⁸⁵.

По всей видимости, храмы Яковлевского монастыря были закрыты к концу сентября 1929 г. Известно, что 21—22 сентября, в связи с «ликвидацией» церковно-монастырской общины, в Яковлевском монастыре работала комиссия по проверке церковного имущества, которое находилось в распоряжении общины, а 25 сентября на заседании совета Ростовского музея, по поводу освобождения общиной Яковлевской и Дмитриевской церквей, обсуждались перспективы использования новых площадей в Яковлевском филиале⁸⁶.

Яковлевская община, после освобождения монастырских храмов, соединилась с общиной церкви Михаила Архангела. Когда церковный совет бывшей Яковлевской общины обратился в музей с просьбой о выдаче мощей и части церковной утвари, администрация музея предпочла отказать, ссылаясь на возможность их использования в экспозициях, которые музей намеревался развернуть в помещениях бывшего монастыря⁸⁷. Действительно, вскоре мощи св. Дмитрия были выставлены в качестве экспоната антирелигиозного отдела музея в церкви Одигитрии Ростовского Кремля⁸⁸. В храмах

Яковлевского монастыря музейная экспозиция так и не была осуществлена. В начале 30-х годов они были определены под складские помещения⁸⁹.

Подведем некоторые итоги. Спасо-Яковлевский монастырь завершил свое существование в конце 20-х годов нашего столетия. Закрытие монастыря было предопределено революционными событиями 1917 г. и явилось следствием последовательного проведения в жизнь ленинского декрета «О свободе совести». После революции, в результате национализации земли, капитала, культовых, жилых и хозяйственных строений, монастырь был оставлен практически без средств существования. Вскрытие мощей св. Димитрия, преобразование монастырской ризницы в музей, изъятие церковных ценностей — лишь некоторые примеры, демонстрирующие отношение советской власти к одному из известнейших монастырей России. В советское время на территории еще действующего Спасо-Яковлевского монастыря был размещен целый ряд «общеполезных учреждений», в том числе, филиал Ростовского музея и детгородок, которые к концу 20-х годов окончательно вытеснили монастырь, существовавший к тому времени в виде церковно-монастырской общины Яковлевского и Дмитриевского храмов. Богослужение в монастырских церквях было прекращено в 1929 г.

¹ Упоминания о действующем Спасо-Яковлевском монастыре, в частности, характеристика его как «крупного церковного религиозного агитационного пункта», содержатся в антирелигиозных брошюрах, опубликованных в Ростове на рубеже 1920-х—1930-х годов. См.: Брудастов М. Из истории Ростова, Ростов, 1932. С. 16; Писарев-Боголюбский Ф. Ростов с точки зрения безбожника. Ростов, 1929. С. 31.

² По синодальному определению Спасо-Яковлевский монастырь с 1888 г. служил резиденцией викарных епископов Ярославо-Ростовской епархии. // ЯЕВ, 1888, оп., С. 137.

³ РГФ ГАЯО, ф. 158, оп. 1, ед. хр. 12, л. 7; ф. 153, оп. 1, ед. хр. 93, л. 2; РЯ АХМЗ, А-880, л. 8.

⁴ РЯ АХМЗ, А-880, л. 21 об.

⁵ РГАДА, ф. 1407, оп. 1, ед. хр. 380, л. 47 об.

⁶ РГАДА, ф. 1407, оп. 1, ед. хр. 1239, л. 2—2 об.

⁷ РЯ АХМЗ, А-1035, л. 119 об.; РГАДА, ф. 1407, оп. 1, ед. хр. 624, л. 20 об.—22.

⁸ РЯ АХМЗ, А-880, л. 22, 58, 31. Водопровод был устроен в монастыре в 1882 г. на средства, пожертвованные архимандритом Иларионом. РЯ АХМЗ, А-825, л. 85 об.

⁹ Виденеева А. Е. К истории посвящений храмов ростовского Спасо-Яковлевского Дмитриевского монастыря. // СРМ. Ростов, 1991, Вып. 1. С. 83—87.

¹⁰ РЯ АХМЗ, А-1035, л. 107 об.—108.

¹¹ Успенский Н. Путеводитель по святыням и древностям Ростова Великого. Сергиев Пос., 1912. С. 24—26; РГАДА, ф. 1407, оп. 1, ед. хр. 1239, л. 2.

¹² Успенский Н. Ук. соч. С. 27.

¹³ Виденеева А. Е. К реконструкции наборов колоколов монастырей Ростова Великого. // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Тезисы докладов III региональной научной конференции. Нижний Новгород, 1992. С. 60—62.

¹⁴ РЯ АХМЗ, А-1035, л. 118—110; РФ ГАЯО, ф. 74, оп. 1, ед. хр. 22, л. 13.

¹⁵ РЯ АХМЗ, А-1035; л. 119; Титов А. А. Описание рукописей библиотеки ростовского Спасо-Яковлевского монастыря. // Библиографические записки. 1892, № 10.

¹⁶ РЯ АХМЗ, А-1035, л. 108. Отметим, что монастырских огородов было несколько. Так, огород, разбитый в ограде бывшего Спасского монастыря назывался «большим», в конце XIX века в нем насчитывалось до 160 гряд. Еще один — «малый» был устроен вне монастырских стен, при странноприменной. РЯ АХМЗ, А-914, л. 9; А-1035, л. 108.

¹⁷ РФ ГАЯО, ф. 153, оп. 1, ед. хр. 93, л. 2; РЯ АХМЗ, А-880, л. 19.

¹⁸ РЯ АХМЗ, А-1035, л. 108; А-880, л. 55; РГАДА, ф. 1407, оп. 1, ед. хр. 463, л. 69—69 об., 73.

¹⁹ РЯ АХМЗ, А-880, л. 7.

²⁰ РФ ГАЯО, ф. Р-140, оп. 1, ед. хр. 8, л. 12.

²¹ РЯ АХМЗ, А-880; В 1913—1916 годах финифтятные образки по монастырским заказам росписывал Александр Михайлович Усачев; в 1913 г. с монастырем сотрудничали художник-финифтянщик Алексей Соколов, в 1914—1915 гг. — С. Воронов. Кроме того, известны имена некоторых художников, поставлявших иконы в монастырскую лавку. Так, в 1913—1914 гг. по монастырским заказам работали иконописец Иван Смирнов и живописец Федор Лопаков. РГАДА, ф. 1407, оп. 1, ед. хр. 808, л. 65 об.; ед. хр. 806, л. 8; ед. хр. 804, л. 58 об., 62 об., 66 об., 70 об.; ед. хр. 803, л. 6, 11, 20, 43, 64.

²² РГАДА, ф. 1407, оп. 1, ед. хр. 1239, л. 33.

²³ РЯ АХМЗ, А-880, л. 8 об., 9 об.

²⁴ РЯ АХМЗ, А-880.

²⁵ РЯ АХМЗ, А-880.

²⁶ Декреты советской власти. Т. 1, М., 1957. С. 373—374.

²⁷ К истории отделения церкви от государства и школы от церкви. Документы и материалы. // Вопросы истории религии и атеизма, 1958, № 5. С. 11—17.

²⁸ Там же. С. 36.

²⁹ РФ ГАЯО, ф. 153, оп. 1, ед. хр. 5, л. 85—85 об.

³⁰ РФ ГАЯО, ф. 74, оп. 1, ед. хр. 22, л. 13.

³¹ Газета «Известия советов рабочих и крестьянских депутатов», Ростов, 12 января 1921 г. Газета «Трудовые дни», Ростов, 11 августа 1923 г. Данные о том, что в 1921 г. на территории Спасо-Яковлевского монастыря существовало Ростовское отделение Ярославского концентрационного лагеря, впервые были опубликованы Л. Ю. Мельник в «Материалах к истории Ростова». См.: Газета «Ростовский вестник», Ростов, 18 октября 1991 г.

³² РЯ АХМЗ, А-1035, л. 96.

³³ РЯ АХМЗ, А-1035, л. 32.

- ³⁴ Газета «Известия советов рабочих и крестьянских депутатов», Ростов, 12 января 1921 г.
- ³⁵ РФ ГАЯО, ф. 153, оп. 1, ед. хр. 5, л. 85; РЯ АХМЗ, Р-601, л. 15.
- ³⁶ РФ ГАЯО, ф. Р-140, оп. 1, ед. хр. 50, л. 6—7.
- ³⁷ Брудастов М. Ук. соч. С. 16.
- ³⁸ Газета «Известия советов рабочих и крестьянских депутатов», Ростов, 27 апреля 1920 г. Данные о том, что 15 мая 1921 г. ризница Спасо-Яковлевского монастыря была объявлена филиалом Ростовского музея впервые были опубликованы Л. Ю. Мельник в «Материалах к истории Ростова». См.: Газета «Ростовский вестник», Ростов, 18 октября 1991 г.
- ³⁹ РЯ АХМЗ, А-57, л. 26—27; РФ ГАЯО, ф. 74, оп. 1, ед. хр. 11, л. 91 об.
- ⁴⁰ РЯ АХМЗ, А-1035, л. 11—12, 15.
- ⁴¹ Новые документы В. И. Ленина (1920—1922). // Известия ЦК КПСС, 1990, № 4, С. 191—192.
- ⁴² РФ ГАЯО, ф. Р-140, оп. 3, ед. хр. 28, л. 1.
- ⁴³ РФ ГАЯО, ф. Р-140, оп. 1, ед. хр. 31, л. 7.
- ⁴⁴ РЯ АХМЗ, А-77, л. 40.
- ⁴⁵ РФ ГАЯО, ф. Р-140, оп. 3, ед. хр. 28, л. 1; РЯ АХМЗ, А-1035, л. 44, 46, 48.
- ⁴⁶ РФ ГАЯО, ф. Р-140, оп. 3, ед. хр. 32, л. 16; РЯ АХМЗ, А-1035, л. 38, 41, 43.
- ⁴⁷ РЯ АХМЗ, А-1035, л. 41, 44, 46.
- ⁴⁸ РЯ АХМЗ, А-1035, л. 43, 44, 44 об.
- ⁴⁹ Мельник А. Г., Мельник Л. Ю. Изъятие церковных ценностей. // Газета «Путь к коммунизму», Ростов, 16 июня 1990 г.
- ⁵⁰ РЯ АХМЗ, А-1035, л. 33—36.
- ⁵¹ РЯ АХМЗ, А-77, л. 40—40 об.
- ⁵² Дневник С. А. Соколова, рукопись. Благодарю Л. Ю. Мельник за предоставленную возможность познакомиться с источником.
- ⁵³ РФ ГАЯО, ф. Р-140, оп. 3, ед. хр. 32, л. 18, 19, 22.
- ⁵⁴ РЯ АХМЗ, А-1035, л. 29.
- ⁵⁵ РЯ АХМЗ, А-1035, л. 30.
- ⁵⁶ РЯ АХМЗ, А-110, л. 49; А-126, л. 16 об.; А-130, л. 101.
- ⁵⁷ РФ ГАЯО, ф. Р-140, оп. 1, ед. хр. 62.
- ⁵⁸ РЯ АХМЗ, А-110, л. 29; А-130, л. 101.
- ⁵⁹ РЯ АХМЗ, А-1035, л. 43.
- ⁶⁰ РЯ АХМЗ, А-130, л. 100.
- ⁶¹ РЯ АХМЗ, А-110, л. 29, 30.
- ⁶² РФ ГАЯО, ф. Р-140, оп. 2, ед. хр. 64, л. 46.
- ⁶³ РФ ГАЯО, ф. Р-140, оп. 2, ед. хр. 64, л. 46, 48—49.
- ⁶⁴ РФ ГАЯО, ф. Р-140, оп. 1, ед. хр. 64, л. 47.
- ⁶⁵ РФ ГАЯО, ф. Р-140, оп. 1, ед. хр. 278, л. 30; Р-6, оп. 1, ед. хр. 69, л. 101.
- ⁶⁶ РЯ АХМЗ, А-169, л. 8; РФ ГАЯО, ф. Р-6, оп. 1, ед. хр. 55, л. 5.
- Следует отметить, что в 1920-е годы все монастырские ансамбли Ростова использовались подобным образом — церковно-монастырским общим предоставлялись лишь храмы и колокольни, а все помещения более или менее пригодные для жилья, приспосабливались под квартиры горожан. Так, по данным конца 1920-х годов, в Авраамиевском монастыре в ведении общины находились Богоявленский собор, Введенская церковь и колокольня. В келейных корпусах были устроены квартиры (ЖАКТ № 18).

В надвратной церкви расположился «детуголок». В Белогостицком монастыре община располагала Благовещенским собором, колокольнею и сторожкой. Все остальные монастырские постройки уездным исполнкомом были приспособлены для размещения тюрьмы (исправдома). В Петровском монастыре храмами и колокольней ведала община, а в келейных корпусах были устроены квартиры. Рождественский монастырь к тому времени являлся упраздненным, поэтому жилыми помещениями распоряжался ЖАКТ № 4, Тихвинскую церковь занимала библиотека, а Рождественский храм был сдан под уездный архив. РЯ АХМЗ, А-169, л. 8—8 об.

⁶⁷ Писарев-Боголюбский Ф. Ук. соч. С. 27; РФ ГАЯО, ф. Р-140, оп. 1, ед. хр. 278, л. 27 об.

⁶⁸ РЯ АХМЗ, А-716, л. 8.

⁶⁹ РФ ГАЯО, ф. 145, оп. 2, ед. хр. 9, л. 26, 23.

⁷⁰ РЯ АХМЗ, А-1000, л. 7.

⁷¹ РФ ГАЯО, ф. Р-6, оп. 1, ед. хр. 55, л. 5, 32.

⁷² Русское православие. Вехи истории. М., 1989, С. 639, 640, 642.

⁷³ РФ ГАЯО, ф. Р-6, оп. 1, ед. хр. 69, л. 127.

⁷⁴ РФ ГАЯО, ф. Р-6, оп. 1, ед. хр. 55, л. 76.

⁷⁵ РГАДА, ф. 1407, оп. 1, ед. хр. 1239, л. 2 об.; РФ ГАЯО, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 2, л. 18 об.

⁷⁶ РЯ АХМЗ, А-169, л. 8—8 об.

⁷⁷ РФ ГАЯО, ф. Р-140, оп. 1, ед. хр. 278, л. 30.

⁷⁸ РФ ГАЯО, ф. Р-140, оп. 1, ед. хр. 278, л. 27 об.

⁷⁹ РФ ГАЯО, ф. Р-140, оп. 1, ед. хр. 278, л. 30.

⁸⁰ РФ ГАЯО, ф. Р-140, оп. 1, ед. хр. 278, л. 32.

⁸¹ РЯ АХМЗ, А-173, л. 276.

⁸² РФ ГАЯО, ф. Р-6, оп. 1, ед. хр. 55, л. 78.

⁸³ РЯ АХМЗ, А-173, л. 246.

⁸⁴ РЯ АХМЗ, А-173, л. 246, 240.

⁸⁵ РЯ АХМЗ, А-173, л. 223.

⁸⁶ РФ ГАЯО, ф. Р-1, оп. 1, ед. хр. 62-ж, л. 225; РЯ АХМЗ, А-170, л. 59.

⁸⁷ РЯ АХМЗ, А-170, л. 59.

⁸⁸ РЯ АХМЗ, А-181, л. 2.

⁸⁹ РФ ГАЯО, ф. Р-6, оп. 1, ед. хр. 53, л. 89.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В качестве приложения к работе публикуются «Акты о вскрытии и освидетельствовании мощей ростовских святых в 1920 г.» Эти документы, в составе комплекса дел, относящихся к X уездному съезду советов, хранятся в Ростовском филиале государственного архива Ярославской области¹. Акты состоят из трех частей и в совокупности представляют собой отчет о работе комиссии по вскрытию мощей в Ростове 25—26 апреля 1920 г.² Комиссия была создана на X Ростовском уездном съезде советов, проходившем в апреле 1920 г. В ее состав входили делегаты от рабочих организаций Ростова и крестьянских волостей Ростовского уезда из числа представ-

ленных на съезде. Кроме того, в работе комиссии принимали участие врачи и сотрудник Археологического института, составлявшие «техническую комиссию», а также, представители духовенства Успенского собора, Авраамиевского и Спасо-Яковлевского монастырей. По косвенным источникам удалось установить имена делегатов, входивших в состав комиссии: Андреев М.; Виноградов В. И. (Союз рабочих-металлистов); Воронин (фабрика Селиванова № 2; Конопов Г. К. (Вахрамеевская фабрика); Скворцов В. (Красноармейский гарнизон); Анучин М. Н. (Угодическая вол.); Блохин Г. В. (Щадневская вол.); Борисов Н. И. (Щениковская вол.); Горбунов Н. И. (Скнигинская вол.); Дуйков Д. С. (Александровская вол.); Дудоров А. Ф. (Ивашевская вол.); Качалов М. С. (Ивановская вол.); Корнилов И. Г. (Нажеровская вол.); Тарасов Е. С. (Дубровская вол.); Симакин Н. М. (Воржская вол.); Председателем комиссии являлся Белов, секретарем — Парfenов. За исключением председателя, упомянутые лица своими подписями заверили каждый из трех ниже публикуемых актов³.

Вскрытие и освидетельствование мощей ростовских святых происходило 25—26 апреля 1920 г. в Успенском соборе — соборных храмах Спасо-Яковлевского и Авраамиевского монастырей. 25 апреля, во второй половине дня, в Успенском соборе были вскрыты мощи ростовских святителей Исаии и Игнатия. 26 апреля, в первой половине дня, комиссия работала в монастырях. В Спасо-Яковлевском монастыре были вскрыты мощи святого Дмитрия Ростовского, в Авраамиевском — мощи святого Авраамия Ростовского и святой Евфросинии Полоцкой⁴. (Мощи полоцкой святой оказались в Авраамиевском монастыре в связи с эвакуацией в Ростов в 1914 г. полоцкого Евфросиниевского монастыря⁵). Таким образом, за эти два дня вскрытию и освидетельствованию подверглись все, хранящиеся в ростовских храмах и покоящиеся открыто (а не под спудом) святые мощи. Процесс вскрытия сопровождался ведением протоколов. 26 апреля, на вечернем заседании съезда эти протоколы, озаглавленные «Актами вскрытия и обследования мощей» были публично зачитаны в качестве отчета о деятельности комиссии по вскрытию мощей.

Сам факт вскрытия с освидетельствованием св. мощей, произведенного вопреки желанию верующих, является, безусловно, бес tactным и кощунственным. Между тем, публикуемые ниже «Акты о вскрытии мощей» — документы, ярко ха-

рактеризующие время 1920-х годов, несмотря на свою неудобочитаемость, представляют несомненный интерес как образец документации, связанный с деятельностью многочисленных антирелигиозных комиссий первых послереволюционных лет. Отметим, что публикация источников такого рода — явление достаточно редкое⁶, на наш взгляд, она может послужить дальнейшему, более глубокому изучению советского периода истории Русской православной церкви.

При публикации «Актов» в некоторых местах исправлена пунктуация. Орфография текста, за исключением явных ошибок, сохранена.

¹ РФ ГАЯО, ф. Р-140, оп. 1, ед. хр. 50, л. 16—22.

² Об обстоятельствах вскрытия св. мощей в Ростове в 1920 г. см.: Виденеева А. Е. К послереволюционной истории ростовского Успенского собора (1917—1935/1936 гг.) // СРМ, Ростов, 1992. Вып. III, С. 64—66.

³ РФ ГАЯО, ф. Р-140, оп. 1, ед. хр. 50, л. 18 об.—19, 20—20 об., 22—22 об., 17.

⁴ Там же, л. 7—7 об.

⁵ РФ ГАЯО, ф. 145, оп. 2, ед. хр. 2, л. 61—61 об.

⁶ В качестве одного из примеров публикаций подобного характера укажем опубликованный Л. Ю. Мельник в 1991 году в Ярославских епархиальных ведомостях акт о вскрытии мощей ярославских святых Феодора, Давида и Константина в 1922 г., текст которого сохранился в дневнике сына ростовского священника С. А. Соколова. (ЯЕВ, 1991, август, № 8).

РФ ГАЯО, ф. Р-140, оп. 1, ед. хр. 50.

л. 17

Акт вскрытия и обследования мощей св. Игнатия и Исаии, находящихся в соборе

Согласно постановления 10 уездного съезда Советов Ростовского у. Яросл. губ. 25 сего апреля 1920 года в присутствии комиссии и членов съезда¹ и соборного духовенства² были вскрыты мощи св. Игнатия, Епископа Ростовского, ²умершего в 1288 г.,² Председателем Комиссии, тов. Беловым, предложено Соборному духовенству принести мощи. Мощи принесены и положены на приготовленный для вскрытия стол.

При вскрытии оказалось верхнее облачение новое, состоящее из нескольких слоев парчи (помимо Епископского облачения), под облачением белый полотняный саван, на груди новый деревянный наперсный³ крест. Под саваном оказался череп го-

ловы выше-среднего размера с сильно развитым затылочным бугром и надбровными дугами; сосцевидные отростки развиты значительно, скуловые кости широки и значительно развиты, стреловидный шов зарощен и незаметен, в ячейках верхней челюсти на лицо имеется шесть зубов, из них два боковых резца, два малых коренных зуба и два больших коренных зуба по каждому из сторон; края зубов значительно стерлись, щеловидные отростки значительной толщины и большой длины;

- л. 17 об. // нижняя челюсть значительной толщины и с развитыми шерховатыми буграми, в костных ячейках имеются три резца, два клыка, три коренных зуба с левой стороны и два коренных зуба с правой стороны, коронки этих зубов значительно стерты.

Из крупных костей обнаружены две плечевые, две бедренные, две больше-берцовые, две мало-берцовые, две пяткочные, две тазо-бедренные, две лопатки и кости позвоночника. Причем необходимо отметить, что все кости взрослого человека и естественные отростки и бугры сильно развиты. Все кости совершенно разъединены. Каких-либо следов костно-мышечного покрова не имеется. В большой массе кости расположены в беспорядке, за исключением черепа и крупных костей верхних и нижних конечностей. Среди костей обнаружено большое количество земли, мелкоперегнившего дерева, порядочное количество кусков известняка, куски сгнившей материи и небольшое количество древесного угля ⁴ и масса другого мусора неизвестного происхождения⁴.

Среди человеческих костей обнаружен череп животного грызуна. Кроме того, обнаружена лопаточная кость неизвестного животного, еще обнаружена бабка стопы двукопытного животного.

л. 18 // Из описанных частей взято для исследования вышеупомянутые череп грызуна и лопаточная кость — существа неизвестного происхождения.

Кроме того, обнаружен кусок ваты свежего вида и сахарная бумага в истлевшем виде, небольшой кусок смятой истлевшей кожи. Вся вышеопи-

санная масса покрыта полуистлевшей белой матерью.

2. Следующими были вскрыты моши Св. Исаии, Епископа Ростовского, ⁵умершего в 1090 году⁵. Облачение новое, Епископское. В⁶ левом рукаве савана оказалась плечевая кость, в другом, ⁷правом⁷, рукаве савана оказалось две кости, одна плечевая, а другая лучевая. С общей массы костей снят истлевший саван монаха.

Из общих костей человеческих останков заслуживает внимания череп, по своим размерам при надлежавший взрослому человеку; из особенностей его сильно развиты затылочный бугор, скуловые кости, верхне-челюстная и отчасти сосцевидные отростки. Стреловидный шов в передней половине зарощен, а в задней — выражен слабо; левая сторона черепа обмазана известью; в верхней челюсти в костных ячейках имеются два клыка, два малых коренных и два больших коренных зуба.

л. 18 об. // Коронки зубов значительно сглаженные. Нижняя челюсть по своему развитию соответствует черепу; в зубных ячейках имеются два клыка, три малых коренных зуба и четыре больших коренных. Из общего костяка на лицо две плечевые, две бедренные, две выше-берцовые, две мало-берцовые, две тазобедренные, крестец, две лопатки и порядочное количество позвонков, причем все крупные кости запачканы известью. Среди общей массы костей обнаружено большое количество кусков извести, большое количество земли, куски истлевшей ткани; большинство костей в бесправильном взаимоотношении. Все части скелета, как и в первом, разъединены друг от друга. Каких-либо следов кожно-мышечного покрова не обнаружено.

Примечание: обнаруженная вата относится к рукаву и подстилке.

Председатель:⁸

Представители духовенства:⁹

Члены технической комиссии:¹⁰

Члены [комиссии]:¹¹

Секретарь комиссии:¹²

**Акт вскрытия и обследования мощей
св. Димитрия**

Продолжение.

3. 26 апреля 1920 г. были вскрыты мощи св. Димитрия, Митрополита Ростовского в Яковлевском монастыре, ¹³—умершего в 1709 году¹³. Мощи облачены в полное Архиерейское облачение, руки закрыты рукавичками, на груди наперсный крест с камнями и панагия.

После снятия всех одеяний глазам присутствующих представляются останки давно умершего человека, сохранившего образ несомненно правильных анатомических отношений; отсутствуют анатомические части ниже голеностопного сустава и правая кисть; остов левой кисти, хотя и в разрушенном виде — налицо; часть правой кисти сохранилась в виде отдельных костей. Общий внешний вид покойного имеет все признаки давнего тления; сохранил некоторую часть кожи на туловище и конечностях в истлевшем виде; найдены вокруг черепа волосы на месте бороды у мужчины; волосы и кожа черепа отчасти сохранились. Во время осмотра черепа оказался отделенным первый шейный позвонок «атлант», положен обратно; связи между некоторыми частями скелета сохранились, (в естественных отверстиях черепа имеется местами вата), как то лучше всего сохранились эти соотношения // в верху туловища, связи грудино-ключичные справа и реберно-грудинные справа по отношению к шести ребрам; позвоночник сохраняет связочный аппарат, но не всюду, расположение отдельных позвонков правильное¹⁴. Тазовые кости сохранили также правильное расположение, хотя легко это расположение изменить, если попытаться отделить кости одну от другой. Бедра и голень сохраняют правильное расположение, кость правого бедра держится в ¹⁵—правом тазо-бедренном¹⁵ суставе, левого — не держится; на голенях имеются некоторые останки, тоже приходится сказать в смысле некоторой сожранности по отношению к правой руке, каковая сохранила как свое

правильное анатомическое расположение, так и некоторые по-видимому остатки естественных тканей. В обеих челюстях сохранилось 26 зубов.

Вид остатков костей ничем не отличается от обычновенных остатков сгнившего трупа.

Председатель комиссии:¹⁶

Представители духовенства:¹⁷

Врачи:¹⁸

Члены комиссии и делегаты:¹⁹

Секретарь комиссии:²⁰

л. 21

**Акты вскрытия и обследования мощей
св. Евфросинии Полоцкой
и св. Авраамия Ростовского**

Продолжение.

1920 г., 26 апреля были вскрыты св. мощи Евфросинии, кн. Полоцкую, находящиеся в Авраамиевском монастыре, умершей в двенадцатом столетии, приблизительно в 1126—30 году. Мощи покоятся в новом монашеском облачении (схема). Штофный красный саван.

По вскрытии всех наружных покровов обнаружены останки человеческого тела выше среднего роста женского пола. Анатомические соотношения сохранились почти целиком за исключением головы, отделенной от туловища; голова, обе руки, шея, левое бедро с коленным суставом и стопой, правая голень и правая стопа сохранили на себе остатки высохшей мумифицированной кожи, под которой проглядывают высохшие натянутые сухожилия. Грудная клетка разрушена в большей своей части, причем отдельные ребра и позвонки лежат в беспорядке; тазовые кости лежат в правильных анатомических соотношениях, связанные, правда, лентой, такие же ленты, укрепляющие большие суставы, находятся на голеностопных суставах, лучезапястных, локтевых и плечевых.

Голова отделяется от шеи вместе с первым шейным позвонком, сохранилась почти целиком, за исключением волосистой части // в области затылочной и задних третей двух темяных костей. Вс-

л. 21 об.

Лоc нигде не обнаружено. Кожа, покрывающая все лицо, скрыта под слоем какой-то плотной массы, гладко закрывающей глазные впадины, носовые и ушные отверстия. Рот полуоткрыт, причем виднеется ряд зубов верхней челюсти, нижние зубы скрыты. При рассматривании черепа со стороны основания его виден ряд зубов нижней челюсти и остатки связочного и мышечного аппарата, соединявшего нижнюю челюсть с шеей.

Затем были вскрыты моши св. Авраамия, игумена Богоявленского монастыря, скончавшегося в 1110 г. и покоящиеся тут же в Авраамиевском монастыре.

Моши покрыты монашеской схимой, облачены в священнические ризы, под ризами монашеская мантия. После развертывания материй обнаружены груда костей человека, по-видимому, принадлежавших мужчине среднего роста.

Череп хорошо сохранился, с незаросшими швами, с хорошо выраженным затылочным бугром и средненадбровными дугами, с шиловидными отростками длиною около 2 сант. каждый. // Из зубов сохранилось на обоих челюстях пять (5). Остальные кости скелета сохранились все хорошо, а именно: две бедренных, две больше-берцовых, две мало-берцовых, две плечевых, две локтевых, две лучевых, две ключицы, грудина и крестец; ребра, позвонки и остальные мелкие кости стоп и кистей частично налицо, частью отсутствуют. Кроме костей человека имеются в общей массе несколько кусков кожи*, остатки старой ткани и земли с пеплом. Нижние покровы одежды покрыты частями свежей ваты, каковой при вскрытии не обнаружено.

* Примечание: ²¹-обнаруженные-²¹ пять кусков ²²-кожи-²², по-видимому, остатки обуви.

Председатель комиссии:²³

Представители духовенства:²⁴

Врачи:²⁵

Члены комиссии:²⁶

Секретарь комиссии:²⁷

28 апреля 1920 г.

Взятые в соборе из костяка на исследование череп и часть лопатки, по определению зоолога Н. С. Ципленкова, череп — несомненно крысы недавнего происхождения (меньше 100 лет), а лопатка неизвестного (не определенного зоологом) животного млекопитающего.

Член техн. комиссии М. Рыньков.

¹⁻¹над строкой ²⁻²над строкой ³в ркп. ошибочно наперстный ⁴⁻⁴над строкой ⁵⁻⁵над строкой ⁶далее зачеркнуто одном ⁷⁻⁷над строкой ⁸подпись отсутствует ⁹подписи двух священников и диакона Успенского собора ¹⁰подписи врачей Филиппова, Шатского, Киселова, а также, представителя Археологического института ¹¹⁻¹⁷подписей членов комиссии ¹²Подпись Парфенова ¹³⁻¹³над строкой ¹⁴в первом, зачеркнутом варианте Позвоночник, хотя и не всюду, сохраняет укрепляющий связочный аппарат, но сохраняет правильное положение ¹⁵над строкой ¹⁶подпись отсутствует ¹⁷подписи протодиакона, казначея иеромонаха Димитрия, иеромонаха Антония ¹⁸подписи врачей Колосова и Самарина, а также, представителя Археологического института ¹⁹⁻¹⁵подписей ²⁰подпись Парфенова ²¹над строкой ²²над строкой ²³подпись отсутствует ²⁴подписи казначеи монахини Ксении, Наталии Бедаровой, игумена Валентина, экономки монахини Амвросии ²⁵подписи трех врачей, в т. ч. Самарина и Колокова, а также, представителя Археологического института ²⁶⁻¹⁴подписей ²⁷подпись Парфенова.